

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Особенностью языковой ситуации в Беларуси является параллельное функционирование двух близкородственных языков – белорусского и русского. Широкое и попеременное использование их в различных ситуациях общения, а также тесная структурная близость становятся источником интерференции – неосознанного использования элементов одного языка в речи на другом языке.

Интерференция в речи носителей белорусского-русского двуязычия совмещённого типа может оказаться предметом художественного изображения. Следуя правде жизни, стремясь к реалистическому воспроизведению жизни, писатели в этом случае сознательно вводят в речевые партии своих героев факты языкового смешения, наблюдаемые за пределами художественной литературы, в повседневной речи реальных носителей такого типа белорусско-русского двуязычия. Вместе с этим отражение на страницах литературного произведения интерферированной речи персонажа служит не только способом передачи авторского понимания объективной

действительности, но и эффективным средством достоверного создания художественного образа, его речевой характеристики.

Для конкретизации речи персонажей с точки зрения наличия в ней фактов языкового смещения белорусские прозаики используют лексику русского языка. В этом случае речевые партии героев строятся при помощи частичного включения русских слов, основное назначение которых – служить сигналами изображаемого здесь явления, своеобразными знаками дополнительной информации о смешанном характере речи говорящих. Адекватному восприятию такой вербально не выраженной информации о характере речи персонажа могут способствовать такие факторы экстралингвистического порядка, как наличие у читателя определённого фонового знания, опирающегося прежде всего на понимание специфики языковой ситуации в Беларуси, информация о социально-культурных параметрах персонажа, времени и месте описываемых событий. Так, например, при наличии определённого фонового знания как смешанная воспринимается речь персонажа-белорусов, преимущественно жителей сельской местности: «Гэта з навучнай цэллю ці як? – пацікавіўся хударлявы» /Быкаў/; «Табе на печы можна ваабшчэ без штаноў» /Навуменка/; «І падводы ў іх свае, і арудзіі коні цягнулі, запрэжаныя» /Пташнікаў/; «Помніш, я кансервамі атравіўся, дык чуць не загнуўся» /Шамякін/.

Более эффективным, на наш взгляд, подобное функционирование лексических русизмов становится тогда, когда оказывается поддержанным контекстом художественного произведения. В таких случаях контекст содержит «подсказку» – прямо сообщенные сведения, подтверждающие или, по крайней мере, не исключающие появление русских слов в речи персонажа. Например, географичная справка типа «У нас тут, у Мокрым, – гэта недалёка, адразу за Верамейкамі, граніца праходзіць паміж Рэсэфэсэрыяй і Беларускаю» /Чыгрынаў/ в какой-то мере объясняет и поддерживает употребление лексических русизмов в речи жителей этих деревень.

Различного рода биографические справки также выступают в роли «подсказки», проясняющей рассматриваемую функцию русских слов в речи персонажа. Например, биографическая справка типа «Яна змалку ведала гэтага высялкоўскага Гужа, які ў калектывізацыю некуды уцек ад раскулачвання...дзесьць гадоў яго не было тут – праходзіў навуку ў далекім Данбасе» /Быкаў/ проясняет функциональную нагруженность многочисленных вкраплений лексических русизмов в речи этого персонажа.

Причина появления лексических русизмов может проясняться также благодаря ситуативно-контекстному подчеркиванию автором смешанного характера речи персонажей. «Душа, браток мой, ірвецца да нашай пракраснай бацькаўшчыны», «Ведаю я твой куточак! Там, чалавеча, або баптыст які, або камуніст, а настаяшчага беларуса – няма.», «Што ж ты пазо-

рыш сумленнае беларускае імя?»); ср.: «...і гаварыў – Алесь адчуў гэта, падышоўшы, неяк падкрэслена весела, прычым па-беларуску, відаць, без асаблівай прывычкі» /Брыль/.

Ситуативно – контекстное подчеркивание может прояснить характер употребления русских слов в речи не только отдельного персонажа, но и целого социального коллектива. Например, речь жителей деревни Нижние Байдуны с точки зрения наличия в ней фактов языкового смешения автором повести характеризуется так: «І казкі гэтыя былі, у параўнанні з Камаровымі, куды больш даступнымі для нас на мове рускай, якую так ці гэтак, уперамешку з роднай, ужывалі ў нас дарослыя» /Брыль/. Многочисленные вкрапления лексических русизмов в прямую речь героев этой повести являются наглядным подтверждением такого рода информации.

Интересны примеры использования интерферированной речи персонажа в качестве характерологически-оценочного средства. В таком случае для дополнительной характеристики отрицательных персонажей и выражения своего отношения к ним писатель использует заложенную в явлениях интерференции способность снижать стиль речи говорящего и влиять тем самым на общее восприятие образа. Отрицательное отношение к персонажу порождает и сгущение в его речи снижающих ее средств. Например, такой прием дополнительной характеристики отрицательных персонажей, как подчеркнутая концентрация в их речи фактов языкового смешения, использует В.Быков для формирования оценочного отношения к персонажу повести «Знак бяды» полицая Недосеке, дезертиру и предателю Антону Голубину из повести «Пайсці і не вярнуцца», беспринципному партизану Бритвину из повести «Круглянскі мост».

Таким образом, введение в речь персонажей случаев лексической интерференции – это и реалистическое воспроизведение действительности, и средство индивидуализации речевых партий, при создании которых учитываются время действия, место, где происходят события, социальная и образовательная стратификация героев белорусской художественной прозы.